

УДК 355:94

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

**Военная тайна в Российской империи
накануне и в годы Первой мировой войны
(по материалам Приамурского военного округа)**

**A military secret in the Russian Empire before and in the time
of World War I (in a source of Priamurskiy Military District)**

В данной статье, на материалах военно-окружного делопроизводства Приамурского военного округа, исследуются проблемы сохранения секретности в российской императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Рассмотрены некоторые случаи потери официальных документов и продажи секретных изданий Главного Управления Генерального Штаба, а также меры, направленные на предотвращение подобных случаев в будущем. Обращено внимание на роль военной цензуры в годы войны.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, Первая мировая война, шпиономания, П.А. Лещицкий, А.Н. Нищенков, военная цензура*

This article examines the problems of military secrets keeping in the Imperial Russian Army before and in the time of World War I of 1914–1918 in a source of the Priamurskiy Military District's military routine correspondence. This article investigates also a few incidents of the official document's loss and the sale of the secret publications of the Main Directorate of the General Staff, and also the measures, which had to prevent such incidents in a future. It was noticed the importance of military censorship in wartime.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, World War I, spy mania, P.A. Lechitskiy, A.N. Nisch'enkov, military censorship*

Контроль над соблюдением военной тайны – это один из краеугольных камней безопасности государства. Чем лучше в стране охраняются военные секреты, тем меньше шансов, что противник, не важно, потенциальный или реальный, узнаёт слабые места вооружённых сил государства (а такие бывают всегда) и будет бить именно по ним. Многие классические приёмы разведывательной деятельности, зародившиеся ещё в глубокой древности и доведённые до совершенства Европейской цивилизацией, не так уж сильно изменились за последние несколько столетий. Именно поэтому история различных вопросов, так или иначе связанных с обеспечением секретности различной информации военного характера, остаётся и будет оставаться актуальной всегда. Наиболее важными являются выявление, систематизация и анализ данных о том,

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

где, когда и какие провалы имели место. Только использование такой информации позволит не допускать их в дальнейшем.

Для историков, да и исторической науки в целом, изучение этих вопросов имеет ещё и важный источниковедческий аспект. С одной стороны, в последнее время некоторые, в том числе дальневосточные исследователи, анализируя публикации военного времени в периодической печати, в частности статьи «толстых» журналов, хотя и отмечают наличие жёсткой военной цензуры, но тем не менее активно пытаются получить из них объективную информацию, в том числе и имеющую отношение к положению дел на фронте [См., напр.: 2; 3; 4]. Соответственно встаёт вопрос: а насколько это вообще возможно и оправданно? Что конкретно позволяла, а что не позволяла публиковать военная цензура? Стоит ли пытаться использовать российскую периодику периода Первой мировой войны для получения действительно объективной информации о ситуации на фронте, или же она может рассматриваться в этом отношении исключительно как зеркало официальной позиции власти? Причём зеркало кривое, поскольку трактовка тех или иных официальных заявлений могла сильно колебаться в зависимости от общественно-политической позиции журнала, т.е. его главного редактора, хозяина, коллектива авторов или всех их одновременно.

С другой стороны, многие документы и официальные военные издания, имевшие тот или иной уровень секретности, настолько плохо отложились в архивах и библиотеках, что это существенно осложняет работу современному историку. Всё это в совокупности делает обращение к теме соблюдения военной тайны в Российской империи не только необходимым, но и актуальным с научной и практической точек зрения. Причём наибольшую ценность здесь, очевидно, представляет даже не очередной анализ различного рода законодательных актов, а исследование того, как вся эта нормативно-правовая база работала и работала ли вообще. Как отмечают профессиональные юристы, важен не столько сам закон, сколько правоприменительная практика.

Между тем, именно в плоскости практики в России традиционно и начинались проблемы, ибо «соображения секретности» в империи были не только строгими, но и весьма своеобразными. С одной стороны, «когда адмирал Басаргин, находясь проездом во Владивостоке, пожелал осмотреть береговую батарею *своего имени*, то он не был допущен туда без записки коменданта» [7, с. 90]. С другой, основания для такого отношения периодически подавали сами офицеры. Например, в феврале 1909 г. военный инженер капитан Н.Н. Шелавин во время служебной поездки потерял портфель с секретными документами. Ещё один комплект секретных чертежей умудрились отправить по почте в простом конверте и без печатей. Удивительно при этом, что портфель был найден и передан по назначению одним из солдат, а чертежи спокойно дошли до адресата [1, с. 88]. В довершение всего, Приказ войскам Приамурского военного округа № 161, от 14 апреля 1909 г. сообщал всем и каждому, что «отправившегося 18-го сего апреля в крепость Владивосток, для выполнения особо секретного поручения, Генерала для поручений при Командующем войсками Приамурского военного округа, Генерального Штаба Генерал-Майора Барона Бер полагать в означенной командировке!» (РНБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 161, от 14 апреля 1909 г. Ед хр. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1909 г. Хабаровск.)

Несмотря на то, что после Русско-японской войны 1904-1905 гг. в русской армии было обращено огромное внимание на охрану военной тайны, многие проблемы решить так и не удалось. И одной из таких проблем оставалось военное делопроизводство, в том числе и в Приамурском

военном округе. Несмотря на все усилия, требования, угрозы «взысканий» и «суровых наказаний» бумаги продолжали регулярно терять. Это хорошо видно на примере гарнизона Владивостокской крепости, где за один только 1910 г. имело место несколько таких случаев. Так, был утерян выданный 2-й Мортирной батарее 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (дислоцировалась на Русском острове) отчётный лист по денежному довольствию за № 16265 на март месяц 1910 г., взамен которого управлением корпусного интенданта 4-го Сибирского армейского корпуса, в состав которого входила бригада, был выдан дубликат за тем же номером. Подлинный бланк отчётного листа за № 16265 приказали считать недействительным (**ГАХК. НСБ. Приказание № 213, от 27 августа 1911 г. Ед. хр. 1549.**). Аналогичная ситуация была и с выданным 2-му полевому тяжёлому дивизиону 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады отчётным листом по денежному довольствию за № 19394 на сентябрь месяц сего 1911 г. который тоже потеряли. Управлению корпусного интенданта того же корпуса опять пришлось выдать дубликат за тем же номером. *«Подлинный бланк отчётного листа за № 19394 считать недействительным»* приказал уже Окружной штаб (**ГАХК. НСБ. Приказание № 292, от 16 ноября 1911 г. Ед. хр. 1549.**).

Это были досадные, но всё-таки мелочи, не выходявшие за рамки рабочих вопросов, однако иногда в округе случались и совершенно анекдотичные случаи. Так, 20 августа 1911 г. начальник штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенант Сергей Сергеевич Саввич¹ писал с плохо скрываемым раздражением: «За последние годы были случаи приобретения у букинистов секретных изданий Главного Управления Генерального Штаба и Главного Штаба. По расследовании оказалось, что книги эти приобретались букинистами после смерти тех офицеров, которые при жизни получали секретные издания для их личного пользования.

В виду подобных случаев Командующий войсками округа приказал подтвердить всем войсковым частям, штабам и управлениям округа к неуклонному руководству приказ по В. В. [военному ведомству. – Р.А.] 1901 года № 64, как в отношении секретных изданий Главного Управления Генерального Штаба и Главного Штаба, так и в отношении вообще всех секретных изданий, планов, чертежей и других документов, остающихся после смерти тех офицеров, которые при жизни получили секретные издания как для служебного, так и их личного пользования» (**ГАХК НСБ. Приказание № 206, от 20 августа 1911 г. Ед. хр. 1549.**).

Во избежание повторения подобных случаев снабжения иностранных разведок секретными материалами различного рода, до сведения войск округа была доведена выписка из того самого Приказа по военному ведомству № 64 от 13 февраля 1901 г., которым войска и без того должны были руководствоваться в подобных случаях. В ней чётко указывалось, что в случае смерти состоящего на действительной военной или военноморской службе в офицерском звании чина армии или флота на войне, в походе, лагере или на военном судне, командир полка, экипажа, судна или отдельной части, в которой состоял на службе умерший, по получении донесения о его смерти, должен был (если к этому не встречается особых препятствий) в тот же день, отправить одного штаб-офицера и двух обер-офицеров для составления описи оказавшимся при покойном:

¹ В литературе встречаются два варианта написания фамилии этого человека: «Саввич» и «Саввич». В статье использован второй вариант, поскольку именно он применялся в отдаваемых приказах и приказах войскам Приамурского военного округа как Командующим войсками Приамурского военного округа П.А. Лечицким, так и самим Сергеем Сергеевичем [См., напр.: 11, Приказ № 118, от 10 марта 1911 г.; 12, Приказ № 642, от 11 сентября 1914 г.].

«наличным деньгам, письменным документам и иному движимому имуществу».

Одновременно с этим, командир полка, экипажа, судна или отдельной части должен был распорядиться о сборе сведений относительно «казённых бумаг, денег и вещей, вверенных по службе и сданных на руки умершему. Оказавшиеся на руках умершего казённые бумаги, деньги и вещи изъемяются из состава описываемого наследственного имущества». Иными словами, все официальные и тем более секретные бумаги и издания должны были немедленно изыматься, во избежание попадания не в те руки.

Составленная на месте опись должна была затем заверяться подписью всех участвовавших в её составлении лиц и представляться командиру полка, экипажа, судна или отдельной части. После чего именно командир «распоряжается об охранении описанных денег, документов и движимого имущества» [ГАХК НСБ. Приложение к Приказанию № 206, от 20 августа 1911 г. Ед. хр. 1549.).

К сожалению, Приамурский военный округ здесь не был каким-то исключением или центром вопиющих безобразий. Скорее даже наоборот, здесь, в непосредственной близости от потенциального азиатского театра военных действий ещё было относительный порядок. В целом же, в Российской империи с секретностью всё было настолько «хорошо», что, например, «Правила хранения и уничтожения Росписания сухопутных войск» (фактически – полного подробного перечня частей и соединений русской армии с указанием командного состава и точных мест дислокации, регулярно публикуемого Главным Управлением Генерального Штаба в военной типографии, расположенной в здании Главного Штаба) печатали в каждом таком издании чуть ли не на самом видном месте – на обороте титульного листа: «Настоящее росписание должно быть хранимо под ключом. Лица, получающие росписания, обязаны непременно возвращать старый экземпляр, тотчас же по получении нового исправленного» [9]. Подобные жёсткие правила, кстати, невероятно осложняют работу современным историкам, поскольку в результате такие издания сохранились к настоящему времени в количестве буквально нескольких экземпляров, отложившихся в крупнейших центральных библиотеках или богатых частных собраниях.

Справедливости ради нужно заметить, что проблемы с секретностью тогда были даже в самых организованных европейских странах. Военный инженер П.П. Унтербергер в своих воспоминаниях, говоря о немецких крепостях, отмечал: «Я должен признать, что большая скрытность всегда казалась мне “секретом полишинеля”, особенно с момента изобретения самолёта. В целом я мог констатировать, что всегда казалось возможным раньше или позже достать планы вражеских крепостей. При наших “крепостных играх” в гвардейском батальоне [Лейб-гвардии сапёрном батальоне. – Р.А.] планы Торна [в тот период – город и первоклассная крепость на р. Висла в провинции Западная Пруссия Германской империи; ныне г. Торунь в Польше. – Р.А.] и Позена [в тот период – главный город и первоклассная крепость при впадении рек Богданка и Цибина в р. Варта на территории одноимённой Прусской провинции Германской империи; ныне г. Познань в Польше. – Р.А.] всегда были в нашем распоряжении» [12]. Видимо, исходя из таких соображений, он же активно фотографировал на память как возводимые им фортификационные сооружения, так и сам процесс строительства. Делал он это незаметно для всех, поскольку не имел официального разрешения на фотосъёмку, получить которое было практически нереально. «Я даже не пытался выхлопотать себе такое, и наблюдал только, чтобы меня никто не заметил. В действительности я был очень осторожен и бережлив с

моими снимками, так что у меня имелось только очень мало таких, которые относились к крепостному району, о чём я позднее горько сожалел» [12].

В целом же крупных проколов, как во время Русско-японской войны 1904-1905 гг., когда японцы зачастую были осведомлены о чинопроизводстве русских офицеров лучше, чем сами офицеры, уже не было [10, с. 546-547]. Надзор за документами постоянно улучшался, тем более, что инспекционные осмотры войск Командующим войсками округа П.А. Лечицким редко обходились без проверки хранения в части или соединении секретных документов, переписки и карт [1, с. 49-85]. Всё это позволило к началу Первой мировой войны довести условия хранения секретных документов до должного уровня и внедрить в сознание офицеров убеждение, что с подобного рода документами действительно нужно обращаться крайне осторожно и аккуратно.

С началом войны почти все полевые войска Приамурского военного округа были отправлены на фронт. В округе, за исключением отдельных частей, остались лишь крепостные части гарнизона Владивостокской крепости (артиллерийские, инженерные). В дальнейшем на его территорию были переброшены дружины Государственного ополчения. Причём даже из оставшихся частей на фронт отправился весь цвет офицера. Аналогичная ситуация была и с инженерами Владивостокской крепости [12]. Не удивительно в этой связи, что со временем не только проблема обеспечения сохранности секретных документов, но и вообще хранения государственной тайны снова вышла на первый план.

За два года войны в российской армии и обществе изменилось многое, и в 1916 г. Временно Командующему войсками Приамурского военного округа генералу от артиллерии А.Н. Нищенкову пришлось вернуться к вопросу о секретности уже в совершенно иных условиях, нежели его предшественнику. Увы, несмотря на строгость существовавших законов, в том числе и военного времени, разгильдяйство в этих вопросах в Российской империи уступало разве только австро-венгерскому. Усугублялась ситуация и газетной шумихой, поскольку отечественные журналисты периодически устраивали сенсации на пустом месте, активно подогревая шпиономанию. Статьи, следует отметить, что если в Европе шпиономания захватила воображение широких общественных слоёв ещё до войны и расширялась по мере нарастания международной напряжённости, то в Российской империи её до войны практически не было, зато неудачи на фронте привели к её внезапному и бурному расцвету [Подробнее о шпиономании в Российской империи в годы Первой мировой войны см.: 5, с. 187-90; 6, с. 37-44, 56-59; 8, с. 27-32]. До французского масштаба, где к 1917 г. вся политика велась уже *de facto* не гражданскими учреждениями, а Главным штабом объединённого военного командования союзных армий, а в сущности, вторым отделом этого штаба, т.е. контрразведкой [11, с. 301-302, 308-309], истерия в России не дошла, но вреда принесла много. Интереснее всего получалось, когда подобного рода газетные заметки попадали на стол императору Николаю II. Вот что писал по этому поводу 23 марта 1916 г. А.Н. Нищенков, до которого по военно-административной лестнице докатились результаты очередного такого скандала: «В газете “Русский Инвалид”, от 19-го февраля с/г. за № 48, помещена заметка под заглавием “Наша болтливость”.

В этой заметке, подписанной псевдонимом “Зритель”, сообщается о том, что наши военнослужащие, преимущественно из прапорщиков, занимающие младшие должности, военные чиновники, сёстры милосердия и жёны офицеров, побывавшие в действующей армии, совершенно открыто говорят о формировании новых воинских частей, перемещениях крупных войсковых соединений, назначениях высших начальствующих

щих лиц и т. п., невольно оглашая сведения, которые носят строго секретный характер и могут быть известными по службе только самому ограниченному кругу лиц.

По сообщению Начальника Генерального Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ознакомившись с названной заметкою, ВЫСОЧАЙШЕ соизволил повелеть Военному Министру принять меры против излишней откровенности в разговорах всех без исключения частных к армии лиц, в целях сохранения необходимой служебной тайны.

Во исполнение таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ воли подтверждаю всем чинам вверенного мне округа без различия званий быть **строго осмотрительными и сдержанными во внеслужебных разговорах, касающихся военных вопросов**, при неуклонном соблюдении требований статьи 16 книги VII Св. В. П. 1869 года изд. 1907 года, приказа по военному ведомству 1912 года № 604 и других неоднократных распоряжений по Военному Ведомству по сему вопросу.

К этому считаю необходимым указать, что военнослужащие, виновные в разглашении служебных тайн, на основании статей 242, 244 и 264 кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. 4, подвергаются строгой ответственности по закону вплоть до лишения всех прав состояния и смертной казни.

Для ознакомления всех офицеров, военных чинов и сестёр милосердия вверенного мне округа при сём объявляю опубликованный в собрании узаконений и распоряжений Правительства, от 31 июля 1915 г. за № 220, изданный Министром Внутренних Дел, перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ея военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается, на основании статьи I отдела II закона 5 июля 1912 года, об изменении действующих законов о государственной измене путём шпионства и статьи II ВЫСОЧАЙШЕГО Указа Правительствующему Сенату от 20-го июля 1914 года (об утверждении положения о военной цензуре)» (ГАХК НСБ. Приказ № 127, от 23 марта 1916 г. Ед. хр. 2298.).

Указанный «Перечень...» запрещал обнародовать или распространять какие-либо сведения:

1. Об устройстве, составе и численности сухопутных и морских сил, учреждений военного и морского ведомств; об изменениях в устройстве, составе и численности этих частей и учреждений.

2. О личном и командном составе войсковых частей и учреждений военного и морского ведомств.

3. О вооружении, снаряжении, обмундировании, санитарном состоянии, различных технических средствах и боевых качествах армии и флота, о боевых и морских качествах строящихся и намеченных к постройке военных кораблей.

4. О назначении, современном состоянии и вооружении морских баз и военных портов, а также о проектировании новых и упразднении существующих, о численности и составе их гарнизонов.

5. О местах расположения и о передвижении частей и учреждений, указанных в п. 1, а также учреждений добровольной санитарной помощи.

6. О производстве всякого рода работ в крепостях, укреплениях, морских базах, военных портах, на судах флота, на заводах по изготовлению заказов военного и морского ведомств; о производящихся, в связи с военными надобностями, работах по оборудованию коммерческих портов и частных заводов, с указанием мест нахождения заводов, и о подготовке позиции.

7. О движении коммерческих судов как русских, так и иностранных, уходящих, прибывающих или направляющихся в русские порты или порты союзных с Россией государств и о передвижении доставляемых в Россию военных грузов, а также о количестве и составе сил и грузов.

8. О боевой готовности армии и флота.

9. Сведения, указывающие на начало мобилизации определённых частей и учреждений, указанных в п. 1, о ходе мобилизационных работ и окончании мобилизации, о готовности означенных частей и учреждений к перевозке на театр военных действий, о прибытии туда как этих частей и учреждений, так и отдельных лиц, а также о всякого рода распоряжениях различных министерств, поскольку они касаются мобилизации и сосредоточения армии и флота на театре военных действий.

10. О порядке укомплектования во время войны частей и учреждений, указанных в п. 1.

11. О сооружениях, подвижном составе, провозоспособности и техническом состоянии железных дорог, о работах на них, производящихся с целью повышения пропускной способности, а также о деятельности их по перевозке войск и военных грузов. О постройке новых железных дорог, о нарушении и перерыве нормального железнодорожного движения.

12. О состоянии существующих и о сооружении новых грунтовых, шоссейных и водных путей на театре военных действий и путей, служащих военными дорогами, равно как и о работах, производящихся на них.

13. О техническом состоянии телеграфных и телефонных линий и учреждений на театре военных действий. О числе, протяжении и направлении этих линий как военных и морских, так и правительственных, земских и частных, о станциях беспроволочного телеграфа (радиостанциях) во всей империи. О проведении новых телеграфных и телефонных линий на театре военных действий и о прокладке новых телеграфных кабелей.

14. О стратегических и тактических свойствах местности театра войны.

15. О результатах бомбардировки территории империи неприятельскими армиями, флотом или путём нападения с воздуха.

16. О потерпевших крушение у наших берегов военных и коммерческих судах неприятеля и о работах по их спасению.

17. О Высочайших смотрах и объездах войск, а также о проводах и следовании войсковых частей, начальствующих лиц и отдельных офицеров армии и флота.

18. О Высочайших приказах в той их части, которая касается как отдельных лиц, так и целых частей учреждений, указанных в п. 1.

19. О содержании писем и телеграмм лиц, входящих в состав армии и флота.

20. О занятиях, всякого рода упражнениях и стрельбах армии и флота.

21. О производстве поверочных и опытных мобилизаций частей и учреждений, указанных в п. 1.

22. О военных и военно-морских мероприятиях России за границей.

23. О предположениях и действиях армии и флота и о всякого рода военных событиях, а также о всякого рода слухах, к ним относящихся.

24. О заготовлениях для нужд военного и морского ведомств как в России, так и за границую. О заготовлении топлива и сырья для заводов, выполняющих заказы военного и морского ведомств, а также о заготовлениях, делаемых Россией для отправки союзным государствам.

25. О потерях в личном и материальном составе армии и флота, о фамилиях выбывших из строя, с указанием номера части или названия корабля и места боевых действий, а также о числе подготовленных и свободных для эвакуируемых мест в разных пунктах.

26. О поимке шпионов, суде над ними и о приведении в исполнение приговоров.

27. О приостановке работ на казённых и частных предприятиях, о различных нарушениях обычного течения жизни в местностях, объявленных состоящими на военном положении, о железнодорожных, пароходных и других катастрофах, а также об эпидемиях на театре военных действий, о взрывах и пожарах в частях и учреждениях, указанных в п. 1.

28. Сообщение сведений о деятельности предприятий, работающих для нужд государственной обороны.

29. Фотографические снимки, эстампы, рисунки и т.п. изображения, могущие дать сведения, не подлежащие распространению на основании этого перечня.

30. О предположениях, постановлениях и мероприятиях по Совету министров как связанных с чрезвычайными расходами на нужды военного времени, так и вызываемых военными обстоятельствами.

Более того, действия этого «Перечня...» распространялись «на однородные сведения, касающиеся внешней безопасности союзных России государств и их военно-морской и сухопутной обороны». Под действие этого документа не попадали только те сведения, «кои опубликованы или впредь будут опубликованы Правительствующим Сенатом, либо военным и морским ведомствами или же будут разрешены к опубликованию названными ведомствами и канцеляриею». Иными словами, было запрещено обнародование, публикация и распространение в любых формах всей информации имеющей мало-мальски военное значение, кроме той, что уже была официально обнародована. Документ был подписан Управляющим Министерством внутренних дел, князем Н.Б. Щербатовым (**ГАХК НСБ. Приложение к Приказу № 127, от 23 марта 1916 г. Ед. хр. 2298.**)

Этот документ даёт исчерпывающее представление о том, сколь внимательно власти относились в военное время к тому, что должно было доходить до широкой общественности и до какой степени «объективными» могли быть тогда журналы и газеты, особенно центральные.

Непосредственного отношения к Приамурскому военному округу процитированная заметка в газете не имела, но после получения в Окружном штабе информации об этом скандале, «Перечень...», как и положено, был немедленно доведён до сведения войск – его просто перепечатали в качестве приложения к очередному приказу войскам округа.

Впрочем, опасения о возможности случайного разглашения государственных тайн и секретных сведений были отнюдь не напрасными. Вскоре уже сам Временно Командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Нищенков, читая секретный доклад Начальника Штаба округа № 89 от 30 августа 1916 г., с удивлением узнал, что «одним из окружных управлений ... округа, в декабре 1915 года, были проданы в частные руки, в качестве обёрточного материала, дела и бумаги, выслужившие установленный срок хранения. В числе проданных дел и бумаг, как случайно выяснилось впоследствии, оказались **секретные бумаги** означенного управления, относящиеся к вопросам мобилизации, перевозки новобранцев, переформирований строевых частей, отпуска и состояния предметов военного снабжения и пр. ..., **подлежавшие** на точном основании ст. 10 правил, приложенных к ст. 77 положения о

письмоводстве, объявленном при приказе по военному ведомству 1911 г. № 433, – **уничтожению через сожжение»**.

Крайне недовольным подобным оборотом дела А.Н. Нищенков, которому за полгода до этого из Ставки и Петрограда как раз напомнили о необходимости строжайшего соблюдения секретности, констатировал: «Хотя означенные бумаги ко времени продажи их, отчасти, и утратили своё секретное значение, но из некоторых документов всё же, можно было вывести кое-какие заключения и соображения, касающиеся секретных дел военного ведомства.

Объявляя об изложенных выше неправильных действиях одного из окружных управлений, допущенных им при ликвидации выслуживших срок хранения секретных дел – во избежание повторения подобных сему случаев в будущем, подтверждаю подлежащим лицам, управлениям и учреждениям и проч. вверенного мне округа **о настоятельности точного и неуклонного исполнения правил о порядке уничтожения секретной переписки, выслужившей установленный срок хранения»** (ГАХК НСБ. Приказ № 525, от 24 октября 1916 г. Ед. хр. 2298.).

Таким образом, несмотря на неослабевающее внимание к вопросам сохранения военной тайны и правильного хранения документов и военных изданий различного уровня секретности, неприятные эксцессы всё равно случались. Постоянный личный контроль Командующего войсками Приамурского военного округа накануне Первой мировой войны генерал-лейтенанта П.А. Лечицкого и производимые им проверки хранения секретных документов, переписки и карт в частях и соединениях Приамурского военного округа позволили к началу войны свести к минимуму количество нарушений в этой сфере. Это сыграло положительную роль в обеспечении безопасности российского Дальнего Востока в условиях сложной внешнеполитической ситуации между Русско-японской и Первой мировой войнами. К сожалению, с началом войны, отправкой на фронт из округа почти всех полевых войск и отъездом цвета дальневосточного офицерства, ситуация несколько ухудшилась. Однако, тщательный контроль за соблюдением секретности со стороны Временно Командующего войсками округа А.Н. Нищенкова и Окружного штаба позволяли оперативно ликвидировать замеченные в этой сфере нарушения.

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
2. Агапов В.Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год Мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915–1916 гг.) // Нов. ист. вестник. 2014. № 32. С. 20-35.
3. Агапов В.Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало Мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Нов. ист. вестник. 2012. № 31. С. 33-47.
4. Агапов В.Л. Перед катастрофой: Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. в зеркале русского «толстого» журнала. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. 188 с.

5. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1: 1914 год. Начало. М.: ИД КДУ, 2014. 336 с.
6. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. II: 1915 год – апогей. М.: ИД КДУ, 2014. 316 с.
7. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 367 с.
8. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012. 304 с.
9. Росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 сентября 1911 г. СПб.: Военная типография, 1911. 578 с.
10. Семёнов В. Трагедия Цусимы. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.
11. Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Соцэкгиз, 1959. 415 с.
12. «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев» Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера) // Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. S.Hast' II. Uroki Port-Artura. 1906–1917 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 408 s.
2. Agapov V.L. «Boleznenno nuzhen vnutrennij mir»: vtoroj god Mirovoj vojny v liberal'nom zerkale «Vestnika Evropy» (1915–1916 gg.) // Nov. ist. vestnik. 2014. № 32. S. 20-35.
3. Agapov V.L. «V soyuze s peredovymi natsiyami»: nachalo Mirovoj vojny v liberal'nom zerkale «Vestnika Evropy» (1914–1915 gg.) // Nov. ist. vestnik. 2012. № 31. S. 33-47.
4. Agapov V.L. Pered katastrofoj: Rossiya v Pervoj mirovoj vojne 1914–1918 gg. v zerkale russkogo «tolstogo» zhurnala. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2014. 188 s.
5. Ajrapetov O.R. Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). T. 1: 1914 god. Nachalo. M.: ID KDU, 2014. 336 s.
6. Ajrapetov O.R. Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). T. II: 1915 god – apogej. M.: ID KDU, 2014. 316 s.
7. Grulev M.V. V shtabakh i na polyakh Dal'nego Vostoka. Vospominaniya ofitsera General'nogo shtaba i komandira polka o russko-yaponskoj vojne. SPb.: Izd-vo V. Berezovskogo, 1908. 367 s.
8. Lor E.H. Russkij natsionalizm i Rossijskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheshkikh poddannyx» v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: NLO, 2012. 304 s.
9. Rosписание sukhoputnykh vojsk. Ispravlennoe po svedeniyam k 1 sentyabrya 1911 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1911. 578 s.
10. Semyonov V. Tragediya TSusimy. M.: YAuzza, EHksmo, 2008. 640 s.
11. Solov'yov YU.YA. Vospominaniya diplomata. 1893–1922. M.: Sotsehgiz, 1959. 415 s.
12. «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Mezhdu dvukh stul'ev» Nablyudeniya, razmyshleniya i vospominaniya P.F. Unterbergera) // Semejnyj arkhiv EHriki Georgievny Unterberger (Erika Unterberger), g. Gmunden, Avstriya (Gmunden, Österreich).